

ДЕТИ ДЕВЯНОСТЫХ

Ледяные батареи девяностых.
За водой пройдя полгорода с бидоном,
Сколько вытащишь из памяти заноз ты,
Овдовевшая усталая мадонна?

Треск речей, переходящий в автоматный,
Где-то там, в Москве, а тут — свои заботы:
Тормозуху зажевав листком зарплатным,
Коченели неподвижные заводы.

Наливались кровью свежие границы —
Ну, зачем же их проводят красным цветом?
А подросшие участники “Зарницы”
Косяки крутили из бумажных вето.

Только детям всё равно, когда рождаться:
Этот мир для них творится, будто снова.
Сколько раз тебе и петься, и рыдаться,
Изначальное единственное Слово?

Мы играли на заброшенном “Чермете”,
В богадельне ржавых башенных атлантов,
И не знали, что судьба кого-то метит
Обжигающими клеймами талантов.

Мы росли, а небо падало, алая.
Подставляй, ровесник, сбитые ладони!
Вряд ли ноша эта будет тяжелее,
Чем вода в замёрзшем мамином бидоне.

* * *

Вечно жива эта шумная братия,
Пусть даже песни её недопеты:
В строгих учебниках и хрестоматиях
Смотрят на нас молодые поэты.

Кто — на портретах, а кто — с фотографий.
Кто — бородатые, больше — безусых...
Сами слагали себе эпитафии
Верные страдники Иисусовы:

Кто-то — частушки, а кто-то — элегии,
Но и посмертно не выглядят кротко.
Вечная молодость — их привилегия,
Данная пулей, войною и водкой.

ЕСЕНИН И ЛАЗО

Алкоголь выходил мутноватой слезой
И не брал ни шиша.
Двое тёзок-погодков, Есенин с Лазо,
Пили на брудершафт.

— Ты хоть сам, а меня-то...
— Да знаю, Серёг...
— Но чего уж теперь...
И лежал на столе одинокий сырок —
Символ встреч и потерь.

— Вон Андрюха внизу в паровозном гудке
Слышит ржанье коня.
Так что можем с тобой уходить налегке,
Никого не вина.

— Не напрасно твой колокол строчки литой
Загудел наверху.
Два полешка, сгорели мы, став теплотой,
А не сгнили в труху.

И один из них долго смотрел на свечу,
А другой — в потолок.
Но ключами звеня, поторопит ворчун,
Как бы ты ни толлок

Водку тёплую в стопке, где сложено то,
Что в себе ты носил.
Сквозь пшеничную корку Серёжины сто
Поднимаются в синь.

УТРО В ПРОМЗОНЕ

Забасит трубным гласом гудок заводской,
Ввысь поднимутся дымные флаги,
Брызнет солнце оттуда, где небо с землёй
Скрестят рельсов звенящие шпаги.

И потянутся, в медленном таянье сна,
Разминая стальные суставы,
На крутых поворотах кренясь с полотна,
К выходным семафорам составы.

Длинношее краны кивнут мне без слов,
Вагонетки покатыят, сигналиая,
И взметая щепу, загуляет тесло
По смолистой пахучей скрижали...

ЗЕМНЫЕ ДОРОГИ

Мотор сосёт бензин похмельной жаждой,
Шофёр глазами к полосе прирос,
Качается над выбоиной каждой
На лобовом всевидящий Христос.

И в каждой вспышке встречных фар мелькают,
Как мошки, буквы — кто б их разглядел:
“Всплывём мы все когда-нибудь мальками
Из глубины планктонных наших дел.

Зачем тебе придуманное имя?
Ведь там, куда ты ангелом влеком,
Бодливая луна сцедила вымя
Над пролитым по небу молоком”.

Но веришь и в межзвёздном разрежении,
В планету целя зрительной трубой,
Что твой небесный путь — лишь отражение
Земных дорог, проделанных тобой.